

СЕЯН: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Падменный временщик, и подлый и коварный,
 Монарха хитрый льстец, и друг неблагодарный.

К. Ф. Рылев

Луций Элий Сеян — хрестоматийный пример могущественного временщика, который приобрел такое влияние на государственные дела, что составил заговор против Тиберия с целью захвата императорской власти, но был вовремя разоблачен и уничтожен. Подобная точка зрения до настоящего времени безраздельно господствует в работах общего характера по истории Рима и доминирует в более специальных трудах¹.

Однако, при всей распространенности этого мнения, нельзя сказать, что ему нет альтернативы. Сомнение в существовании заговора Сеяна выразил уже Ф. Б. Марш, его скептицизм разделил и Ч. Э. Смит². В послевоенной историографии проблемы критическое направление представлено работами Р. Сайма, Р. Сили, Э. Боддингтон, Э. Майсснера, Д. Хеннига, Т. Уайдмена³. Многие ис-

¹ Ср.: *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. II. С. 423; *его же.* Принципат Тиберия // ВДИ. 1940. № 2. С. 94 сл. (более осторожная оценка); *Маукин Н. А.* История древнего Рима. М., 1949. С. 442; *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1986. С. 507 сл.; *Всемирная история.* М., 1956. Т. II. С. 618, *История Европы.* М., 1988. Т. I. С. 560 сл.; *История древнего мира* / Под ред. И. М. Дьяконова и др. Изд. 3-е. М., 1989. Кн. 3. С. 56 сл.; *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 148 сл.; *Немировский А. И., Дашкова М. Ф.* "Римская история" Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. С. 10, 38; *Вержбицкий К. В.* "ISDEM ARTIBUS VICTUS EST". К проблеме заговора Сеяна // *Древние и средневековые цивилизации и варварский мир.* Сб. науч. ст. Ставрополь, 1999. С. 127—135; *Schiller H.* Geschichte der römischen Kaiserzeit. Gotha, 1883. Bd. I. Tl. 1. S. 293; *Rohden L.* Aelius Seianus // RE. 1894. Bd. 1. Sp. 530 f.; *Kornemann E.* Doppelprinzipat und Reichsteilung in Imperium Romanum. Leipzig; Berlin, 1930. S. 44 ff.; *idem.* Tiberius. Stuttgart, 1960. S. 163, 191; *Scullard H. H.* From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B. C. to A. D. 68. L., 1970. P. 285 ff.; *Christ K.* Das römische Weltreich. Aufstieg und Zerfall einer antiken Grossmacht. Freiburg, 1973. S. 118 f.; *idem.* Geschichte der römischen Kaiserzeit: Von Augustus bis zu Konstantin. München, 1988. S. 198 ff.; *Seyfarth W.* Römische Geschichte. Kaiserzeit I. Berlin, 1980. S. 95; comp.: *Bordet M.* Precis d'histoire Romaine. P., 1991. P. 195.

² *Marsh F. B.* The reign of Tiberius. L., 1931. P. 304—310; *Smith R. E.* Tiberius and the Roman Empire. Baton Rouge, 1942. P. 146 f.

³ *Syme R.* Tacitus. Oxf., 1958. Vol. I. P. 405 f.; Vol. II. P. 752 ff.; *Sealey R.* The Political Attachment of L. Aelius Seianus // Phoenix. 1961. Vol. 15. P. 97—114; *Boddington A.* Sejanus. Whose conspiracy? // AJPh. 1963. Vol. 84. № 1. P. 1—16; *Meissner E.* Sejan, Tiberius und die Nachfolge im Prinzipat. Erlangen, 1968. S. 12—59; *Hennig D. L.* Aelius Seianus Untersuchungen zur Regierung des Tiberius. München, 1975. S. 139 ff.; *Wiedemann T.* The Julio-Claudian Emperors: AD 14—70. Bristol, 1989. P. 28—32.

следователи, занимавшиеся "делом Сеяна", не отрицают, что он был замешан в антигосударственной деятельности, правда, в оценке степени его виновности имеются существенные расхождения⁴. Наконец, некоторые специалисты, отказавшись от рассмотрения проблемы в целом, предпочитают анализировать ее отдельные аспекты⁵.

В отечественной науке тема "заговора Сеяна" популярностью не пользовалась и предметом специального рассмотрения не была. — возможно, потому, что вызывала нежелательные ассоциации⁶. Необходимость обращения к этому сюжету диктуется в первую очередь тем, что он является ключевым во внутриполитической истории принципата Тиберия: Сеян был крупнейшим (разумеется, после самого императора) государственным деятелем Рима — по меньшей мере, в 23—31 годах — и его гибель стала сигналом к первым в эпоху Империи массовым репрессиям против оппозиции, то ли действительной, то ли мнимой...

Прежде чем перейти к рассмотрению собственно проблемы заговора, необходимо остановиться на основных сторонах деятельности Сеяна вплоть до рокового для него дня 18 октября 31 года.

Луций Элий Сеян, этруск по происхождению, родился в городе Вольсинии в семье Л. Сея Страбона, римского всадника и одного из видных представителей новой элиты, сформировавшейся в ходе гражданских войн конца Республики. Возможно, карьере Сея Страбона способствовал его земляк Меценат. Во всяком случае, в годы принципата Августа Страбон, не принадлежа к находящимся на виду приближенным императора, занимал в своем сословии выдающееся положение (*princeps equestris ordinis*) и пользовался благосклонностью власть имущих⁷.

Исходя из того, что в молодости Сеян входил в окружение Гая Цезаря, внука и приемного сына Августа, будущего временщика принято считать ровесником молодого наследника принципата и относить его рождение тоже к 20 году до н. э.⁸ О деятельности Сеяна вплоть до 14 года н. э. можно

⁴ Koestermann E. Der Sturz Sejans // *Hermes*. 1955. Bd. 83. H. 3 S. 370 ff.; Bird H. W. L. Aelius Seianus and his Political Significance // *Latomus*. 1969. T. 28. Fasc. 1. P. 61—98; Meise H. Untersuchungen zur Geschichte der Julisch-Claudischen Dynastie. München, 1969. S. 55—98; Seager R. Tiberius. Berkeley; Los Angeles, 1972. P. 216; Africa T. The Politician Sejanus // *FAN*. P. 185, Levick B. M. Tiberius the Politician. L., 1976. P. 174 ff.

⁵ Shotter D. C. A. The Fall of Sejanus: Two Problems // *CPh*. 1974. Vol. 69. № 2. P. 42—46, Tuplin C. J. The False Drusus of A.D. 31 and the Fall of Sejanus // *Latomus*. 1987. T. 46. Fasc. 4. P. 781—805.

⁶ "Карьера Сеяна, правой руки императора Тиберия, была примером для целеустремленных политиков любой эпохи. Способностями, ловкостью и коварством он пробил себе дорогу через властные структуры к положению второго человека после самого императора. Сеян был бы в равной степени удачлив и при холодном и подозрительном Сталине" (*Афта Л. О. цит. P. 183*).

⁷ Vell. II.127.3; Tac. Ann. I.24.2; IV. 1 2; Iuvenal. Sat. X 74; Dio Cass. LVII.19.5.

⁸ П. фон Ролен более осторожен: между 20 и 16 гг. до н. э. (*Rohden P. Op. cit. Sp. 529*). Г. Берд склоняется к 20—19 гг. до н. э., того же мнения придерживается Э. Майсснер (*Bird H. W. Op. cit. P. 61; Meissner E. Op. cit. S. 3*). Сообщение Иосифа Флавия о том, что

лишь строить более или менее вероятные предположения. Неизвестно, когда и почему он в результате усыновления вошел во влиятельный всаднический род Элиев⁹. Догадка Г. Бёрда, что в первые годы нашей эры Сеян служил под началом Тиберия в северных провинциях¹⁰, кажется весьма вероятной: она хорошо объясняет как стремительную карьеру Сеяна сразу после смерти Августа (тогда Тиберий расставлял на ключевые посты своих людей), так и тот факт, что в 14 году именно его новый принцепс командировал вместе со своим сыном Друзом для подавления мятежа легионов в Паннонии — эту провинцию и находившиеся там войска Сеян должен был хорошо знать.

Решающий поворот в судьбе Сеяна произошел непосредственно после смерти Августа: он назначается префектом претория, причем коллегой по должности являлся его родной отец, Сей Страбон (Гас. Анн. I.24.2). Учитывая критическое положение, в котором Тиберий находился в первые недели своего принципата, нельзя не согласиться с Д. Хеннигом: данное назначение явно свидетельствует о доверии, которое новый принцепс питал в отношении этого семейного друга¹¹.

С другой стороны, следует учитывать, что пост префекта претория тогда вовсе не имел того значения, которое он приобрел впоследствии именно благодаря Сеяну. Август учредил эту должность достаточно поздно, лишь во 2 году до н. э., причем как коллегияльную. Первыми преторианскими префектами стали Кв. Осторий Скапула и П. Сальвий Апер (Dio Cass. LV.10.10). Поначалу эта должность, очевидно, мыслилась, как чисто техническая, учреждение ее произошло тогда, когда Августу уже по возрасту стало трудно осуществлять реальное руководство своей гвардией. Однако потенциальные возможности, которые заключал в себе пост префекта претория, император должен был хорошо представлять, не случайно он оставил за собой верховное командование преторианскими когортами и сам давал им пароль, имя префекта претория в дипломах отставных преторианцев даже не упоминалось¹².

Совместно с отцом Сеян занимал этот пост недолго — не позднее 15 года Сей Страбон был назначен префектом Египта, достигнув тем самым вершины всаднической карьеры (Dio Cass. LVIII.19.6). Д. Хенниг допускает, что Страбон был облечен особыми полномочиями, относившимися не только к Египту, но и к сирийским легионам¹³. Впрочем, на этой ответственной должности Сей Страбон пробыл недолго — видимо, уже в 16 году его сменил Г. Галерий¹⁴. С этого

Сеян был другом Друза Старшего (Jos. Ant. XVIII. 6. 6) обычно игнорируется из-за его явной недостоверности: Друз умер в 9 году до н. э., а Сеян появился на политической арене лишь в 14 году н. э. Д. Хенниг полагает, что в 15 году Сеяну было около сорока лет (Hennig D. Op. cit. S. 11).

⁹ К. Уэллс (Wells C. M. The Roman Empire. Stanford, 1984. P. 113) предполагает, что его усыновил Элий Галл, бывший префект Египта, но убедительных доказательств именно такого варианта нет.

¹⁰ Bird H. W. Op. cit. P. 63.

¹¹ Hennig D. Op. cit. S. 19.

¹² Ensslin W. Praefectus praetorio // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 2393, 2407 f.

¹³ Hennig D. Op. cit. S. 19 f.

¹⁴ Reinmuth C. W. Praefectus Aegypti // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 2369.

момента отец Сеяна из истории исчезает. Если учесть его видное положение и возраставшее политическое влияние его сына, то проще всего предположить, что Страбон в Египте внезапно умер — иной вариант столь неожиданного конца карьеры здесь маловероятен.

Первой акцией Сеяна при новом принцепсе было участие в подавлении мятежа пашонских легионов. Тогда Тиберий направил к мятежным войскам своего сына Друза в сопровождении видных сановников. Экспедиция была рассчитана на любой вариант развития событий: ее составили две усиленные преторианские когорты (*cohortes delecto milite supra solitum firmatae*), преторианская же конница и часть корпуса германских телохранителей императора. Фактическим руководителем карателей был именно Сеян, являвшийся наставником "кронпринца" (*rector iuveni*) (Tac. Ann. I. 24.2).

Оставшись единственным префектом претория, Сеян первоначально не обладал и тенью того влияния, которое он приобрел впоследствии¹⁵. Может быть, он так и остался бы лишь одним в длинном ряду известных нам главным образом по именам преторианских префектов, если бы не события внутри императорского дома.

Огромная популярность Германика со временем неминуемо должна была начать беспокоить Тиберия, тем более, что приемный сын императора своим поведением давал повод для серьезных опасений¹⁶. Родной же сын принцепса не проявлял особых талантов и рвения в деле управления государством. Поэтому император остро нуждался в квалифицированном помощнике, на роль которого Сеян подходил как нельзя лучше. Являясь руководителем гвардии, которая одновременно представляла собой и тайную политическую полицию, префект претория мог эффективно контролировать систему обеспечения безопасности принцепса и преследовать его противников — от сбора информации и ареста до приведения приговора в исполнение. Подобные полномочия давали их обладателю огромные возможности, так что префект претория должен был отличаться

¹⁵ "In 15, however, the Praetorians were not the powerful political instrument of subsequent years, nor was Sejanus" (*Bird H. W. Op. cit. P. 63*). Небольшой, но характерный штрих: когда Германик после подавления мятежа легионов и завершения осенней кампании против германцев возвращался (вероятно, в конце 14 года) в Рим, император выделил для торжественной встречи две преторианские когорты. Однако навстречу Германику выступила вся гвардия (*Suet. Calig. 4*), и Сеян явно был бессилён помешать этому спонтанному порыву.

¹⁶ Дион Кассий дважды (LVII. 6. 2; 18. 8) указывает, что при желании Германик мог бы захватить императорскую власть с согласия "не только воинов, но и народа с сенатом". Возможно, что со временем молодой военачальник вошел во вкус своего особого положения: Д. Хенниг отмечает, что вступление Германика в должность консула на 18 год в Никополе, близ места битвы при Акцие, могло быть с полным основанием расценено как политическая провокация. Мазла в огонь должно было подлить несанкционированное посещение им Египта — трудно предположить, что он, будучи прирожденным политиком, дважды консулом, имея за плечами многолетний опыт командования крупнейшей армией Римской державы, был столь наивен и не осведомлен в *arsana imperii*. (*Hennig D. Op. cit. S. 42 f*)

абсолютной преданностью императору и отсутствием собственных политических амбиций.

Всадническое происхождение Сеяна, исключавшее разветвленные родственные связи с нобилитетом, прочно привязывало его к императору, а незаурядные деловые качества быстро сделали префекта претория в глазах Тиберия человеком незаменимым¹⁷.

Резкое усиление влияния Сеяна античные авторы связывают с учреждением в столице постоянного лагеря для всех преторианских когорт (20 г.)¹⁸. Однако Светоний не связывает строительство *castra praetoria* с инициативой Сеяна и относит сведения преторианских когорт воедино к мероприятиям самого Тиберия, предпринятым для обеспечения общественной безопасности в Риме и Италии (Suet. Tib. 37.1). Возможно, принцепса побудили к этому шагу волнения плебса в 19 году после неожиданной смерти Германика¹⁹. Размещение гвардии в столичных казармах завершило, по замечанию Т. Моммзена, становление новых военных институций и сделало преторианцев "визитной карточкой принципата"²⁰.

Тогда же Сеян получил беспрецедентное для человека его должности и социального статуса отличие — преторские инсигнии (Dio Cass. LVII. 19.7). В том же году его тогда еще крошечная дочь была обручена с сыном Клавдия²¹. Безусловно, это укрепляло позиции префекта, но не следует переоценивать значение намеченного брачного альянса и тем более видеть в нем свидетельство включения Сеяна в императорский дом, как это делает Э. Майсснер²². Во-первых, хотя Клавдий формально и входил в состав такового²³, государственная карьера была

¹⁷ Примечательно, что в оценке этих качеств, в сущности, совпадают и критическая характеристика Сеяна у Тацита, и панегирическая — у Веллея Патеркула. Ср.: Tac. Ann. IV. 1. 2–3; Vell. II. 127.3–4.

¹⁸ Tac. Ann. IV.2.1; Dio Cass. LVII.19.6; Avi. Vict. De Caes. 2.4.

¹⁹ Г. Бёрд подчеркивает, что эту акцию Сеян провел с полного одобрения Тиберия, который видел в концентрации преторианцев на Виминале политическую страховку для себя (Bird H. W. Op. cit. P. 64). Правда, Тацит (Ann. IV.7.2) приписывает Друзу, сыну Тиберия, слова о том, что преторианский лагерь был создан по желанию Сеяна (*exstructa iam sponte praefecti castra, datos in manum milites*), но они отражают лишь точку зрения самого историка и доказательством служить не могут — в противном случае лагерь был бы уничтожен после гибели Сеяна. Ср.: Егорев А. Б. Развитие политической системы принципата при Тиберии // Социальная структура и политическая организация античного общества: Межвуз. науч. сб. Л., 1982. С. 154.

²⁰ Mommsen Th. Die Gardetruppen der Römischen Republik und der Kaiserzeit // Hermes. 1879. Bd. 14. S. 32.

²¹ Tac. Ann. III.29.4; IV.7.2; Suet. Claud. 27.1.

²² Meissner E. Op. cit. S. 25 f. Сюда же исследователь относит и брак Клавдия с Элией Петинией, которую он считает сводной сестрой Сеяна, что, строго говоря, не доказано; во всяком случае, сообщая о разводе Клавдия с Петинией, Сеяна Светоний не упоминает. Кроме того, этот автор отмечает, что после казни Сеяна всадничество избрало именно Клавдия главой депутации, которая принесла поздравления консулам. Маловероятно, чтобы этот выбор пал на человека, чьим шурином был Сеян Кетати, Тацит, заботливо собравший "компромат" на Сеяна, брак Клавдия с Петинией в этой связи не упоминает.

²³ Бесспорное доказательство тому — наличие статуй Клавдия в группе из десяти

для него закрыта²⁴. Поэтому родство с ним могло иметь для Сеяна хотя и важное, но все же не первоочередное значение. Второе (и главное) обстоятельство, на которое почему-то не обращают внимания — этот matrimonialный проект не был осуществлен, так как через несколько дней после помолвки мальчик погиб при весьма странных обстоятельствах. Светоний удивлен тем, что эта смерть была отнесена, вероятно, много позже — на счет Сеяна (Suet. Claud. 27.1). Его удивление можно разделить и сейчас: если смерть сына Клавдия действительно была убийством, замаскированным под несчастный случай, то оно могло быть делом рук только тех людей, которых очень не устраивал предстоявший брак.

Таким образом, путь Сеяна вовсе не был триумфальным восхождением к той вершине власти, до которой он так и не дошел, сорвавшись в пропасть за один шаг до желанной цели. Считать, что в 20 году префект претория был всесилен — это ничем не оправданное преувеличение, и представляется, что гораздо ближе к истине Д. Хенниг, который отметил, что «до смерти Друза Сеян играл незначительную или, лучше сказать, незаметную роль»²⁵. Разумеется, Тиберий к нему благоволил. Еще одно свидетельство тому — установление статуи Сеяна в театре Помпея за организацию тушения там большого пожара (Tac. Ann. III.72.3; IV.7.2). Г. Бёрд, очевидно, прав, считая, что концентрация преторианцев на Виминале возвестила о новой фазе политического влияния Сеяна, но сразу же следует оговориться, — прежде всего, в потенции. Пока был жив Друз, натянутые отношения которого с Сеяном не были секретом (Tac. Ann. IV. 3.2; 7.1—3), карьера последнего в лучшем для него случае завершилась бы вместе с концом принципата Тиберия. Принципиально иную ситуацию создала неожиданная смерть Друза в 23 году.

Художественному гению Тацита мы обязаны тем, что созданная им картина соблазнения Сеяном жены Друза Ливии (Ливииллы) и последующего отравления наследника трона преступной парой любовников прочно утвердилась в научной литературе²⁶. Однако авторы специальных исследований, как правило, скептически относятся к этой информации, и резюмировать их мнение можно словами Д. Хеннига: «То, что он с самого начала проводил в жизнь заранее обдуманый план — сначала соблазнить жену своего соперника, а затем с ее помощью умертвить его — кажется слишком авантюрным и, очевидно, относится к разря-

скульптур членов императорской фамилии, установленной в 7/8 г. н. э., тогда как изображения опальных Юлии Старшей, Юлии Младшей и Агриппы Постума там отсутствовали (ILS. 107.10).

²⁴ Comp.: Suet. Claud. 2—5; Tac. Ann. VI.46.1.

²⁵ Hennig D. Op. cit. S. 157. Противоположная точка зрения наиболее ярко выражена Э. Корнеманом, по словам которого, в 20 году «стал очевиден мощный прорыв, который произвел Сеян строительством городского лагеря преторианцев. Военная монархия, которую, в сущности, представлял собой принципат Августа... теперь проявилась со всей обнаженностью. С этого времени Рим был в руках гвардии, т.е. в руках Сеяна» (Kornemann E. Tiberius... S. 146).

²⁶ Tac. Ann. IV 3.3—5; 8.1—2; 10—11. Ср.: Suet. Tib. 62.1; Dio Cass. LVII 22.2. Иосиф Флавий (Antt. XVIII.6.1), говоря о смерти Друза, версию об отравлении даже не упоминает.

ду острой и последующей скандальной хроникой²⁷. Показательно, что слух об отравлении Друза возник только после гибели Сеяна (Suet. Tib. 62.1)²⁸. Отметив, что рассказ об адюльтере Ливиллы является "в высшей степени неправдоподобным", Д. Хенниг констатирует: "Unbezweifelbar bleibt jedoch, daß Seian erst nach dem Tode des Drusus für Livilla als Ehepartner interessant werden konnte"²⁹.

Рост политического влияния Сеяна после 23 года тесно связан с конфликтом внутри императорского семейства. Не вдаваясь в детали противостояния Тиберия, с одной стороны, и Агриппины с ее старшими сыновьями, с другой (это слишком сложный вопрос, который заслуживает отдельного рассмотрения), отметим, что, хотя эти раздоры полностью соответствовали политическим интересам Сеяна, было бы неверно приписывать ему инициативу в преследовании семьи Германика. Крайне маловероятно, чтобы Тиберий, личность сильная и волевая, действовал здесь по указке Сеяна. В этом просто не было необходимости: и без того предубеждение императора против Агриппины, восходившее еще к 14 г., со временем превратилось в стойкую взаимную ненависть³⁰. Как метко выразил суть этой трагедии Г. Скаллард, ясно, что сама Агриппина, ее старшие сыновья и их друзья стали жертвами Тиберия и Сеяна, неясно лишь, в какой степени они были невинными жертвами³¹. То обстоятельство, что Агриппина и Друз погибли спустя два года после казни Сеяна, подтверждает: в этом деле префект претория лишь выполнял свой служебный долг и едва ли имел возможность проявить личную инициативу³².

Некоторые исследователи полагают, что с момента смерти Друза Сеян наметил своей стратегической целью достижение верховной власти или, как минимум, положения регента при несовершеннолетнем императоре после смерти

²⁷ Hennig D. Op. cit. S. 34 f., 40. Ср.: Meissner E. Op. cit. S. 6; Meise E. Untersuchungen... S. 55 f. Напротив, Ф. Б. Марш и Г. Бёрд считают заговор Сеяна и Ливиллы против Друза вполне вероятным. См.: Marsh F. B. Op. cit. P. 164; Bird H. W. Op. cit. P. 67.

²⁸ Дион Кассий связывает свидетельство об отравлении Друза с Аппикатой, бывшей женой Сеяна: она, узнав о казни своих детей и увидев их тела, написала Тиберию письмо с обвинениями в адрес Ливиллы и покончила с собой (LVIII. 11.6). Эта версия подвергается в науке сомнению, так как она противоречит документальным данным: согласно Fasti Ostienses, Аппиката покончила с собой сразу после казни старшего сына и за два месяца до убийства младших детей по приговору сената (CIL. XIV Suppl. 4533. Col. 11.15 sqq. = Inscr. It. XIII I. 186 sq.). Ср.: Meise E. Op. cit. S. 57; Meissner E. Op. cit. S. 30.

²⁹ Hennig D. Op. cit. S. 37, 78.

³⁰ Hennig D. Op. cit. S. 45, 47. Ср.: Егоров А. Б. Указ. соч. С. 154: "Нет никаких оснований полагать, что Сеян когда-либо... имел достаточную силу, чтобы заставить принцесса сделать что-либо против его воли".

³¹ Scullard H. H. Op. cit. P. 286.

³² Д. Хенниг констатирует, что Сеян, действуя против Агриппины и ее сыновей, "не выходил за рамки того, чего ждал от него император". Ф. Марш указывает, что, хотя римляне и могли считать, что Тиберий был простым орудием в руках своего фаворита, сам "министр" не питал иллюзий на этот счет (Hennig D. Op. cit. S. 158; Marsh F. B. Op. cit. P. 189).

Тиберия³³. Напротив, Г. Берд и Э. Майзе считают подобные предположения неосновательными, последний высказался достаточно резко, указав, что на Сеяна просто свалены все грехи режима Тиберия. В действительности же то, что в 23 году префект претория мог питать надежду на единоличную власть, столь же невероятно, как и приписываемое ему намерение убрать всех стоявших у него на пути членов императорского дома³⁴.

Но, как бы там ни было, ясно, что в середине двадцатых годов Сеян мощным рывком усилил свое политическое влияние. В 25 году Тиберий продемонстрировал сенату учения преторианской гвардии (Dio. Cass. LVII. 24.5). По мнению Диона Кассия, целью этого мероприятия было устрашение "отцов-сенаторов" многочисленностью и силой императорской охраны. Зрелище, разумеется, должно было быть впечатляющим, но едва ли его следует понимать лишь как примитивную акцию устрашения и демонстрацию военной мощи гвардии. Главную роль в этом представлении должен был, несомненно, играть префект претория, командовавший учениями. Таким образом, сенаторам был наглядно продемонстрирован особый характер отношений между Тиберием и Сеяном.

26 год принес новые свидетельства укрепления позиций префекта. Сеян официально просил у императора руки Ливиллы, вдовы Друза, и получил хотя и уклончивый, но обнадеживающий ответ (Tac. Ann. IV.39—40)³⁵. Так называемый "инцидент в гроте", когда во время обвала Сеян, рискуя собой, защитил императора (Tac. Ann. IV.59.1—2), вновь доказал Тиберию полную надежность и преданность префекта претория.

Видимо, за этим и должны были последовать те знаки императорской благосклонности, о которых упоминают античные авторы: статуи (включая золотые, что считалось императорской прерогативой) в театрах, на городских площадях и в штаб-квартирах легионов, празднование дня рождения Сеяна, наряду с императорским, как общегосударственного торжества³⁶, официальное именование самим Тиберием префекта претория своим "товарищем в трудах"³⁷.

К 31 году участь Агриппины и двух ее сыновей была решена, причем самым трагическим образом: старший, Нерон, был уже мертв, младший содержался под стражей в императорском дворце, их мать находилась в ссылке. Казалось, линия Юлиев окончательно отстранена от наследования принципата, младший сын Германика и Агриппины, Гай, воспитывавшийся после ареста матери сначала у Ливии, вдовы Августа, а затем у своей бабушки Антонии, особых перспектив не имел — хотя давно прошли обычные для юных римлян сроки, он так и не

³³ Meissner E. Op. cit. S. 28 f. (довольно осторожное предположение); Scullard H. H. Op. cit. P. 285 f.

³⁴ Meise E. Op. cit. S. 60 f.; Bird H.W. Op. cit. P. 67

³⁵ Тацит подчеркивает, что и ходатайство Сеяна, и ответ ему Тиберия были в письменном виде. Это позволяет надеяться, что оба письма хранились в императорском архиве, так что в "Анналах" цитируются подлинные документы.

³⁶ Tac. Ann. IV.2.3, Suet. Tib. 65.1.

³⁷ Tac. loc. cit.: "socium laborum non modo in sermonibus, sed apud patres et populum celebraret". Comp.: Dio Cass. LVII.19.7: "σύμβουλοι καὶ ὑπὲρ τῆν πρὸς πάντα".

получил разрешения надеть мужскую тогу. Тем самым Тиберий недвусмысленно давал понять, что в политике ему делать нечего. Оставшийся кандидат в принцепсы, родной внук императора Тиберий Гемелл был еще слишком мал, а самому повелителю Рима шел уже восьмой десяток.

Таким образом, для Сеяна открывались блестящие виды на будущее: отложенный, но не отмененный брак с Ливиллой должен был сделать его отчимом наследника трона, т. е. как минимум регентом после кончины престарелого императора. Но события пошли по другому руслу: в 31 году Сеян был казнен, а следующим императором стал в 37 году именно Гай Цезарь, вскоре после этого умиртвивший Тиберия Гемелла, своего двоюродного брата и сонаследника.

Как уже отмечалось, большинство исследователей видит причину гибели Сеяна в том, что он решил уничтожить своего престарелого повелителя. Подобное единомыслие диктуется характером источников. Наиболее авторитетные из них (Тацит, Светоний, Иосиф Флавий) утверждают, что Сеян намеревался совершить государственный переворот. Единственное опровергающее свидетельство противоположного плана (Дион Кассий) отвергается на том основании, что этот автор был свидетелем уничтожения префекта претория Плавциана и это произвело на него такое впечатление, что и Сеян он по аналогии счел невинной жертвой императора Тиберия³⁸.

Для выяснения подлинных причин падения "всесильного" временщика имеется слишком мало данных, и, кажется, все, что можно сказать на их основании, уже сказано. Если руководствоваться принципом, сформулированным в этой связи Э. Кёстерманом, то напрашивается вывод, что дальнейшее исследование проблемы вообще не имеет смысла³⁹. Тем не менее, рискнем вновь проанализировать имеющиеся источники и для начала зададимся самыми простыми вопросами: в чем обвинялся Сеян, кто его обвинял и каковы доказательства самого существования преступных замыслов?

Эти вопросы задавал уже Ювенал и сам же отвечал на них — никаких доказательств виновности Сеяна не существовало, все базировалось на обвинительном письме Тиберия:

"...sed quo cecidit sub crimine? quisnam delator?
quibus indicibus, quo teste probavit?" "Nil horum:
verbosa et grandis epistula venit a Capreis". "Bene
habet; nil plus interrogo".

Iuven. Sat. X. 69—72.

Но если одному из участников этого диалога все сразу стало ясно, то для нас ситуация, напротив, осложняется. Ф. Б. Марш, правда, не придает большого значения этому негативному свидетельству⁴⁰, однако при ревизии традиционных

³⁸ Koestermann E. Der Sturz Sejans. S. 350 ff., 369 ff; Meise E. Op. cit. S. 83.

³⁹ "Любое освещение событий, который привели к падению всесильного министра Тиберия, должно быть сознательно ограничено теми рамками, что ставит для нашего познания неполнота традиции" (Koestermann E. Op. cit. S. 350).

⁴⁰ "Его (Ювенала. — В. П.) художественная цель едва ли требовала привлечения какой-либо ссылки подобного рода" (Marsh F. B. Op. cit. P. 304).

представлений драгоценна любая крупица традиций, особенно противоречащей официально принятой точке зрения.

Казалось бы, четкий ответ на поставленные вопросы дает Тацит, у которого преданный суду сената по обвинению в дружбе с Сеяном всадник Минуций Терм в своей речи фиксирует эти обвинения: козни против государства и замысел умертвить императора⁴¹. Очевидно, такова была официальная версия, но из какого источника почерпнул ее Тацит, неясно — абсолютно надежна эта информация лишь в том случае, если она взята из протоколов заседания сената. Во всяком случае, очевидно, что Сеян был осужден на основании закона об оскорблении величия как “враг народа” — *hostis perniciosissimus p. R.* (ILS. 157; Suet. *Calig.* 12.1). День его казни вошел в число государственных праздников (ILS. 158; Tac. *Ann.* VI.25.3).

Наиболее определенные утверждения о заговоре и составе заговорщиков содержит сообщение Иосифа Флавия (*Antt.* XVIII.6.6), по словам которого, Сеян вовлек в преступное сообщество сенаторов, вольноотпущенников и военных, но был разоблачен Антонией, вдовой Друза Старшего, которая написала Тиберию на Капри все, что узнала о заговоре. Достоверность самого факта наличия письма Антонии в науке обычно не подвергается сомнению, хотя об его содержании имеются различные мнения⁴².

Однако существуют настораживающие детали, которые позволяют поставить под сомнение достоверность информации Иосифа. Сообщение о письме Антонии имеется только у него; даже Дион Кассий, которому принадлежит единственное связанное и подробное повествование об этих событиях, этой детали не приводит. Упоминание Иосифа о том, что Сеян был другом мужа Антонии, совершенно невероятно. Кроме того, хотя Э. Боддингтон и полагает, что версия Иосифа может восходить к хорошим источникам, так как Антония была в дружеских отношениях с “еврейским принцем” Агриппой⁴³, именно это обстоятельство и должно насторожить исследователя. Во-первых, Агриппа был очень дружен с Калигулой, т. е. представляет явно заинтересованную сторону. Во-вторых, наиболее близкий по времени к описываемым событиям источник, Филон Александрийский, приписывает Сеяну намерение истребить евреев⁴⁴, и, вне зависимости от достоверности этого сообщения, ясно, что Иосиф представляет резко враждебную в отношении Сеяна литературную традицию.

Примечательно, что наиболее заинтересованное в оправдании казни временщика лицо — сам император Тиберий — дает совершенно иную трактовку “дела

⁴¹ “*Insidiae in rem publicam, consilia caedis adversum imperatorem*” (Tac. *Ann.* VI.8.6).

⁴² Ср.: *Boddington A. Op. cit.* P. 7 ff.; *Marsh F. B. Op. cit.* P. 304, 309; *Bird H. W. Op. cit.* P. 88 f.

⁴³ *Boddington A. Op. cit.* Правда, здесь же она говорит, что “эта история невероятна по своим внутренним свойствам” (*intrinsicallie unlikely*) и предполагает, что в письме должна была идти речь о заговоре против Гая (Калигулы), а не Тиберия.

⁴⁴ *Philo. Leg. ad Caum.* 24; *Contra Flacc.* I. Это же обвинение (со ссылкой на Филона) повторяется в “Хронике” Иеронима: *Seianus praefectus Tiberi, qui apud eum plurimum poterat, instantissime cohortatur, ut gentem Iudaeorum deleat* (*Hieronym. Chron.* 258 F. 15--18).

Сеяна". Светоний сохранил интереснейшую цитату из его автобиографии: *Seianum se punisse, quod comperisset, furem adversus liberos Germanici filii sui* (Suet. Tib. 61. 1).

При всем очевидном лицемерии этого объяснения (что здесь же и отмечено Светонием), совершенно ясен один принципиальный вывод: принципс, которого наш автор не напрасно считает "умнейшим стариком"⁴⁵, просто-напросто не верил в существование заговора. Но тогда остается открытым вопрос — кому и для чего потребовалось уничтожить Сеяна?

Самое дотошное расследование не обнаруживает никаких конкретных доказательств того, что претфект претория действительно готовил свержение Тиберия. Все перечисленные античными авторами в качестве этапов выполнения плана захвата власти⁴⁶ — либо прямой вымысел, либо то, что было инициировано самим Тиберием или же санкционировано им. Блестящая карьера временщика объяснялась отнюдь не его "демонической силой", как вполне серьезно уверял Э. Корнеман, считавший почему-то, что Сеян "должен быть назван первым могильщиком принципата"⁴⁷. Главную роль в возвышении Сеяна сыграли, как уже упоминалось, его личная преданность Тиберию и исключительные деловые качества. Именно талант администратора позволил префекту претория взять на себя руководство текущими государственным делами, разгрузив от этой рутины старевшего Тиберия.

С нового, 31 года, император стал консулом вместе со своим префектом претория (замечено, что до этого он в бытность свою принципсом занимал эту должность лишь дважды, в 18 и 21 гг.: каждый раз с предполагаемыми наследниками принципата, Германиком и Друзом соответственно)⁴⁸. Тиберий дал, наконец, разрешение на помолвку Сеяна со своей родственницей. Логичнее всего считать, что это была Ливилла, руки которой префект претория уже просил в 26 году. Однако единственный источник, который называет невесту Сеяна по имени, сообщает, что это была Юлия, дочь Друза и Ливиллы, успевшая к тому времени овдоветь⁴⁹ (Dio. Cass. LVIII.3.9) — достаточно неожиданный вариант. Разумеется, огромная разница в возрасте между будущими новобрачными могла быть проигнорирована, как и в любом брачном альянсе по политическим соображениям, но резко негативную реакцию Ливиллы на это обручение предсказать нетрудно, и Сеян не мог этого не учитывать.

Сложность объяснения этой матримониальной загадки усугубляется тем, что в этом месте подлинный текст Диона Кассия утрачен, его содержание известно по изложению Зонары (Zon. XI.2). Это обстоятельство некоторые специалисты

⁴⁵ "Sagacissimus senex" (Suet. Calig. 4).

⁴⁶ Концентрация всех преторианских когорт в Риме, отравление Друза при пособничестве его жены Ливиллы, ставшей любовницей Сеяна, устранение Агриппины и ее старших сыновей, удаление императора на Капри, многочисленные почести, которых был удостоен префект претория.

⁴⁷ Kornemann E. Op. cit. S. 145, 163

⁴⁸ Bird H. W. Op. cit. P. 84; Wiedemann T. Op. cit. P. 30.

⁴⁹ Ее мужем был Нерон, старший сын Германика, тогда уже погибший в заключении.

используют для того, чтобы снять проблему: они полагают, что эпитоматор просто спутал Ливиллу с ее дочерью, в действительности же Сеян должен был жениться на первой, к которой он уже сватался за несколько лет до того⁵⁰. Э. Боддингтон и Г. Берд оставляют вопрос открытым⁵¹. Старые немецкие историки придерживаются версии византийского автора⁵². Наиболее вразумительное объяснение этого казуса предложил Э. Майсснер, который полагает, что Тиберий, чтобы нейтрализовать притязания Сеяна и Ливиллы на власть, предложил префекту руку Юлии, которая, в отличие от матери, политического влияния не имела⁵³. Думается, эта точка зрения более убедительна: к тому же выражение Тацита "iuum, Caesar, genetum" (Ann. VI.8.3) скорее может подразумевать мужа внучки, т.е. Юлии, чем супруга овдовевшей невестки.

В любом случае, этот брак должен был формально включить Сеяна в императорский дом; правда, принято считать, что он не успел состояться.

Хотя совместный консулат Тиберия и Сеяна завершился 9 мая 41 года (CIL. X.1233), зато Сеяну был предоставлен *imperium proconsulare*, он и его старший сын вошли в коллегию понтификов (Dio. Cass. LVIII. 7.4). В Риме ходили слухи о скором предоставлении Сеяну трибунской власти — единственного, чего недоставало фавориту для полной легитимизации его положения в качестве соправителя Тиберия⁵⁴.

Однако именно в 30—31 гг. в политической жизни Рима появились признаки, которые должны были насторожить Сеяна. В первую очередь это относилось к единственному остававшемуся на свободе сыну Германика. Калигула был внезапно вызван на Капри, надел (правда, в отличие от старших братьев, без всякой помпы) мужскую тогу, т.е. был наконец, хотя и необычно поздно, в 19 лет, признан совершеннолетним. Сразу же началось его восхождение на политический Олимп: он был обручен с дочерью М. Юния Силана, одного из столпов римской аристократии, был возведен в сан авгура и понтифика, после чего Тиберий дал понять, что собирается сделать его своим наследником⁵⁵. Таким образом, у Сеяна появился опасный конкурент, на добрые отношения с которым в будущем префект претория никак не мог рассчитывать.

Кроме того, в некоторых своих действиях временщик впервые за свою долгую карьеру ощутил противодействие принцепса. Попытка Сеяна уничтожить Л. Аррунция, наместника Испании *in absentia* (принцепс держал его в Риме, не отпуская в провинцию), не удалась — через Косса Корнелия Лентула Тиберий провел постановление, запрещавшее судебное преследование императорских легатов, находившихся при исполнении обязанностей. Реакция Тиберия на это

⁵⁰ Marsh F. B. Op. cit. P. 192; Charlesworth M. P. *Tiberius* // CAH. 1934. Vol. 10. P. 636; Meise E. Op. cit. S. 59.

⁵¹ Boddington A. Op. cit. P. 2; Bird H. W. Op. cit. P. 83 f.

⁵² Schiller H. Op. cit. S. 299; Rohden. Op. cit. Sp. 531; Kornemann E. Op. cit. S. 190.

⁵³ Meissner E. Op. cit. S. 52.

⁵⁴ Suet. Tib. 65.1; Dio. Cass. LVIII.9.2.

⁵⁵ Suet. Calig. 10.1; 12.1; Dio. Cass. LVIII.8.1.

инспирированное Сеяном дело была исключительно жесткой: обвинения в адрес Аррунция были отвергнуты, а обвинители казнены⁵⁶.

Но полоплека этого дела не только в том, что Аррунций мог быть "лидером оппозиции" в сенате, и Тиберий сознавал, что Сеян, погубив его, станет полновластным хозяином в Риме⁵⁷. Нет также оснований считать, что император симпатизировал Аррунцию, напротив, незадолго до смерти Тиберия тот подвергся преследованию и был вынужден покончить с собой (Tac. Ann. VI.47 sq.) Дело, очевидно, в другом: устранением испанского наместника и заменой его своей креатурой Сеян пытался поставить под свой контроль стоявшие там легионы, и попытка эта провалилась, показав всем, в том числе и ее инициатору, что Тиберий контролирует ситуацию⁵⁸. А когда Сеян, отбывший с Капри еще в 30 г., просил аудиенции у императора, тот отказал⁵⁹. У префекта претория накопилось достаточно информации, надо было делать выводы...

По мнению современных исследователей (сторонников "теории заговора"), так называемый заговор Сеяна представлял собой скорее не хорошо продуманное осуществление запланированного государственного переворота, а отчаянную попытку спасти собственную жизнь после того, как он понял, что император решил от него избавиться⁶⁰.

Но какие меры на случай опалы Сеяна вообще мог принять? Думается, специалисты, занимающиеся этой проблемой, не учитывают главного: Сеян, при всем своем значении, никогда не был самостоятельной политической фигурой — все принципиальные решения принимал сам Тиберий. В данном случае (воистину experimentum crucis!) это привело к тому, что Сеян, оказавшись перед необходимостью решительного шага, был не в состоянии его сделать. К тому же он должен был трезво сознавать свои возможности и неизбежность гибели в случае открытого выступления против императора.

В сущности, единственной опорой префекта претория являлась существовавшая у него, как и любого из влиятельных римских политиков, клиентела⁶¹.

⁵⁶ Tac. Ann. VI.7.1; Dio. Cass. LVIII.8.3.

⁵⁷ Bird H. W. Op. cit. P. 88.

⁵⁸ Ср.: Tac. Ann. IV.2.3: clientes suos honoribus aut provincialis orandi... Таким образом, слова К. Криста о том, что "Тиберий слепо доверял Сеяну" (Christ K. Op. cit. S. 198), имеют мало общего с действительностью.

⁵⁹ Правда, под благовидным предлогом — принцепс сообщил, что сам собирается прибыть в Рим (Dio. Cass. LVIII.7.5.). Но Сеян за много лет должен был хорошо изучить своего хозяина, и едва ли эта отговорка его обманула.

⁶⁰ Едва ли можно сомневаться, что он принял все меры для "случая Икс" — инстинкт самосохранения не оставлял ему иного выбора" (Koestermann E. Der Sturz Sejans. S. 372.). Cf.: Bird H. W. Op. cit. P. 90: "Какой бы род заговора ни имел место, он был, по всей вероятности, отчаянной попыткой самосохранения". По мнению Э. Боддингтона, если Сеян и был заговорщиком, то "его действия должны рассматриваться только как результат его выхода из фавора" (P. 8)

⁶¹ Очевидно, на нее и обрушились в первую очередь репрессии после падения Сеяна. В противном случае трудно объяснить массовый характер арестов и казней, отмеченный античными авторами, в том числе Сенекой, очевидцем тех событий (Sen. Controv. IX.4.17.

Что же касается основных социальных групп, составлявших население столицы, то едва ли возможно утверждать, что Сеян располагал здесь массовой поддержкой. Что видимость такой поддержки существовать могла, это вполне вероятно (*adoratus populo... ingens Seianus*, - именуется его Ювенал (*Sat. X.62 sq.*). В качестве шага, рассчитанного на завоевание симпатий плебса, следует, как отметил уже Р. Сайм⁶², рассматривать и реанимацию консульских выборов в народном собрании: *inprobac comitiae quae fuerunt in Aventino, ubi Seianus cos. factus est* (*I.L.S. 6044*). Но положиться на эту категорию столичных жителей Сеян не мог, как показало поведение плебса после ареста временщика.

Римское всадничество, по мнению Г. Берда, имело в своей среде "большое количество сторонников Сеяна"⁶³. Однако в том месте "Анналов", ссылкой на которое аргументирует свой взгляд канадский исследователь (VI.14.1) упоминаются всего три всадника, чего для доказательства суждения о массовости явно недостаточно.

Большинство членов высшего сословия, как показали события после ареста Сеяна и позднее, не только послушно утверждало все репрессивные меры, предлагавшиеся Тиберием, но и по своей инициативе предпринимало судебное преследование действительных и мнимых приверженцев Сеяна. Следовательно, и в сенате последний не располагал сколько-нибудь значительным количеством искренних сторонников. Даже в период наибольшего политического влияния префекта претория отношение к нему сенаторов, как показал Г. Берд, было достаточно неоднозначным — и здесь временщик был неуязвим, пока за ним стоял сам император⁶⁴.

Наконец, наиболее важный аспект рассматриваемой проблемы — военный. С легкой руки античных авторов (в особенности Иосифа Флавия) принято считать, что большинство провинциальных армий, не говоря уже о преторианцах,

Ср.: Tac. Ann. VI.19.2: *immensa strages, omnis sexus, omnis aetas, infustres ignobiles...*). Создается впечатление, что это было тотальное, без учета пола и возраста, уничтожение какой-то определенной группы людей, изъятой из сферы действия римского права. Вероятно, это оказалось возможным именно потому, что вся фамилия Сеяна и его клиенты были поставлены вне закона. Но в любом случае убийство даже малолетних детей "изменника" — беспрецедентный в римской истории факт, объяснить который трудно: даже проскрипции времен Суллы и второго триумvirата не распространялись на членов семьи проскрибированного. Э. Боддингтон считает, свирепость расправы может объясняться тем, что Тиберию только тогда сообщили об отравлении Друза Сеяном и Ливиллой (*Boddington A. Op. cit. P. 11. Note 36*). Возможно, прав П. А. Князев, предположивший в частном письме ко мне, что к Сеяну, его фамилии и клиентеле была применена санкция римского сакрального права. Ср.: *Князев П. А. Тиберий Цезарь Август: одинокая жертва принципата // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 1996. Вып. 1. С. 19.*

⁶² *Syme R. Sejanus on the Aventine // Hermes. 1956. Bd. 84. P. 257 ff.* Разумеется, Тиберий избирался вместе с Сеяном тогда же и там же.

⁶³ *Bird H. W. Op. cit. P. 90*

⁶⁴ "Большинство нобилей было лояльно скорее к режиму, который представлял Сеян, чем к самому министру" (*Bird H. W. Op. cit. P. 75*).

было на стороне Сеяна⁶⁵. Однако уже то обстоятельство, что репрессии после падения Сеяна вообще не коснулись вооруженных сил, достаточно выразительно доказывает, что об их участии в заговоре не может быть и речи. Постараемся показать это на конкретных примерах, начав с гвардии.

Тацит обвиняет Сеяна в том, что он заискивал перед солдатами и лично назначал командный состав преторианских когорт: *centuriones ac tribunos ipse deligere* (Ann. IV.2.2). Однако назначение центурионов было его служебной обязанностью, что же касается военных трибунов, то это была слишком заметная должность, чтобы не согласовывать подобные назначения с императором. Все прочие усилия Сеяна по укреплению своего авторитета среди преторианцев не были, как отметил Э. Майсснер, направлены на подрыв их лояльности к императору, иначе события после ареста Сеяна могли бы пойти по другому сценарию⁶⁶.

При более пристальном внимании к вопросу о возможности поддержки Сеяна легионами оказывается, что таковой, похоже, не существовало вовсе. Хорошо известно, правда, что в большинстве провинциальных армий изображение префекта претория было вместе с императорским помещено среди легионных святынь. Исключение составили войска в Сирии, проигнорировавшие Сеяна (Suet. Tib. 48.2; 65.1). Но данное исключение как раз свидетельствует о том, насколько внимательно Тиберий следил за поведением своего фаворита в отношении армии. Совершенно невероятно, чтобы легаты сирийских легионов ослушались прямого приказа императора по поводу портретов Сеяна. Следовательно, такого приказа не было, и речь, как верно отметил Д. Хенниг, может идти лишь "о более или менее необязательной рекомендации"⁶⁷.

Стратегическую роль, подобную роли сирийского гарнизона на Востоке, для Запада играла Рейнская армия Рима, состоявшая из восьми легионов, разделенных на верхне- и нижнегерманскую группировки. Считается, что именно в германской армии позиции Сеяна были сильны как нигде: с 29 года наместником Верхней Германии был Лентул Гетулик, дочь которого была обручена с сыном Сеяна, а Нижней Германией управлял Л. Апроний, тесть Гетулика.

В действительности же, как показал Г. Бёрд в своем просопографическом исследовании, предполагаемое (так и не состоявшееся) родство Гетулика и Сеяна было скорее гарантией взаимного ненападения, чем политическим союзом⁶⁸. Тот факт, что Гетулик и Априоний остались на своих постах после падения Сея-

⁶⁵ Ср.: Koestermann E. Der Sturz Sejans. S. 371; Scullard H. H. Op. cit. P. 286; Boddington A. Op. cit. P. 14 f.; Bird H. W. Op. cit. P. 84; Seyfarsh W. Op. cit. S. 93.

⁶⁶ Meisner E. Op. cit. S. 5. Не следует забывать также, что преторианцы давали присягу на верность всему дому Цезарей: *praetorianos toti Caesarum domui obstrictos* (Tac. Ann. XIV.7.4).

⁶⁷ Hennig D. Op. cit. S. 132. Причина негативного отношения к Сеяну самой мощной на Востоке сирийской группы войск — скорее всего, его общеизвестная роль в трагедии фамилии Германика, непопулярность которого в армии была огромной.

⁶⁸ "Проектировавшийся брачный альянс между сыном Сеяна и дочерью Гетулика может рассматриваться как страхование с обеих сторон" (Bird H. W. Op. cit. P. 73 ff., 77). Обручение состоялось по рекомендации самого Тиберия (Tac. Ann. VI.30.3).

на, доказывает: сторонниками префекта они не были и в экстремальной ситуации на них он рассчитывать не мог. Кроме того, нельзя забывать, что, не говоря уже об офицерах, в этих легионах еще служили солдаты, помнившие Германика и Агриппину и явно не питавшие симпатий в отношении вольного или невольного гонителя этого семейства.

Г. Скаллард, полагая, что Сеян "обеспечил командование несколькими провинциальными армиями своим друзьям"⁶⁹, явно заблуждается. Еще Ф. Б. Марш указал, что Тиберию никогда не изменяло такое свойство его характера, как подозрительность, и для Сеяна "обеспечить контроль над приграничными армиями было поэтому нелегким делом, так как кандидаты Сеяна должны были быть людьми, которых охотно назначил бы Тиберий, а таких людей среди приверженцев министра было, мягко говоря, немного"⁷⁰.

Однако далее Ф. Марш, прикидывая рейтинг Сеяна среди наместников ведущих провинций, все же считает, что большинство их поддержало бы Сеяна: Гетулик и Апроний, по его мнению, могли бы принять сторону Сеяна по семейным соображениям, легатом Мёзии, Македонии и Ахайи являлся Поппей Сабин, чей зять был другом Сеяна. Два легиона в Египте находились слишком далеко, да к тому же под началом всадника, а один в Африке не мог представить для префекта претория значительной опасности. Правда, в Сирию и Испанию Сеян не смог прогнать своих людей, зато он побудил Тиберию удерживать легатов этих провинций в Риме, а на их подчиненных у префекта было больше возможностей воздействовать⁷¹.

Но эта калькуляция рисует для префекта претория необоснованно оптимистические перспективы. Как указывалось выше, полное спокойствие армии после гибели Сеяна, отсутствие тогда же каких-либо репрессий по отношению к его командующим, выдача донатива сирийским легионам (Suet. Tib. 48.2), — все это однозначно доказывает, что Сеян не должен был заблуждаться относительно истинной позиции основной массы римских вооруженных сил⁷².

С мая по октябрь 31 года Сеян должен был буквально физически ощущать вокруг себя все возраставшее напряжение. Вероятно, тогда Тиберий уже принял решение, но по своему обыкновению колебался в выборе момента для нанесения удара. Император мог не торопиться — в сущности, Сеян был беззащитен перед ним и хорошо понимал это. По мнению Диона Кассия, временщик пассивно выжидал, надеясь, что ситуация изменится для него к лучшему (I.VIII.8.2 sq.)

⁶⁹ Scullard H. H. Op. cit. P. 286. Того же мнения придерживается Э. Кестерман (Kuestermann E. Op. cit. S. 371.)

⁷⁰ Marsh F. B. Op. cit. P. 190.

⁷¹ Ibid. P. 190 f.

⁷² Слабость позиций Сеяна в армии подчеркнул уже Ч. Смит: "Многие из военных командиров были из старых республиканских аристократических фамилий, и, очевидно, было сложно или даже невозможно добиться их поддержки" (Smith Ch.E. Op. cit. P. 142 f.). Э. Боддингтон указывает, что позиция высшего командного состава была в конечном счете определяющей: "Ultimately, however, everything turned on the attitude of the army commanders" (Op. cit. P. 14).

В сущности, единственной надеждой для Сеяна оставался сам император. Временщик должен был отчетливо сознавать, что его прямое выступление против Тиберия изначально обречено на провал: даже в том маловероятном случае, если бы преторианская гвардия безоговорочно поддержала бы своего префекта и ему удалось бы установить контроль над столицей, это означало бы, как отметил Ф. Б. Марш, гражданскую войну, в которой у мятежников не было бы никаких шансов на успех⁷³.

Сеян мог надеяться, что ситуация с неожиданным возвышением Калигулы являлась обратимой — это показал пример его старших братьев, тоже удостоенных в свое время высоких почестей. Возможно, его ожидание не было чисто пассивным: делом его рук могло быть неожиданное появление в Греции самозванца, объявившего себя Друзом, сыном Германика (подлинный Друз был тогда еще жив и содержался под стражей в Палатинском дворце)⁷⁴.

Псевдо-Друз, сопровождаемый несколькими императорскими вольноопущенниками (весьма, кстати, подозрительное обстоятельство), будто бы намеревался отправиться к войскам в Египет или Сирию⁷⁵, но затем исчез так же внезапно, как и появился. Дион Кассий, правда, сообщает, что некто (τις) арестовал самозванца и отправил к императору, но здесь больше оснований верить Тациту, который пытался выяснить обстоятельства этого дела по всем имеющимся в его распоряжении источникам, но не смог этого сделать: *neque nos originem finemve eius rei ultra comperimus* (Ann. V. 10.3). По его словам, императорский легат Пуппей Сабин, не успев захватить самозванца, ограничился письменным сообщением принцепу (*scripsitque haec Tiberio*).

К. Таплин полагает, что организацией этой аферы Сеян надеялся напугать принцепса, для которого расквартированные на Востоке войска всегда были предметом особого беспокойства, и побудить его к уничтожению подлинного Друза, для осуществления таких действий Тиберий нуждался бы в энергичном и умелом организаторе, и здесь Сеян вновь доказал бы свою незаменимость.

Однако явление Псевдо-Друза никакого эффекта не возымело: то ли Тиберий оказался недостаточно пуглив, то ли информация дошла до него уже после гибели Сеяна, или же, если прав Дион Кассий и самозванец был действительно доставлен к императору, тот получил возможность узнать правду об организаторе этой авантюры.

Устранение Сеяна Тиберий наметил на октябрь 31 года. Основная роль при этом отводилась двум лицам — бывшему префекту вигилей Кв. Невию Корду Суторию Макрону⁷⁶ и консулу-суффекту Н. Меммию Регулу, вступившему в

⁷³ Marsh F. B. Op. cit. P. 309.

⁷⁴ Tuplin C. J. The False Drusus... P. 781—805. Информация об этом событии содержится у Тацита и Диона Кассия (Tac. Ann. VI (V).10; Dio Cass. LVIII.25.1). Последний, правда, относит его не к 31, а к 34 г., но эта датировка убедительно опровергается К. Таплином (P. 782 f.).

⁷⁵ *Pergere ad paternos exercitus, Aegyptum aut Syriam invasurum* (Tac. Ann. V. 10.2). Comp.: Dio Cass. loc. cit.

⁷⁶ Поскольку в *cursus honorum* Макрона между постами префекта вигилей и префекта

должность 1 октября (СЛ. X.1233). Из них наибольшая ответственность при- шла на долю Макрона, которого Э. Кёстерман вполне резонно считает "главной персоной заговора".

Макрон, как принято считать, относился к "партии Сеяна", но затем начал действовать против префекта⁷⁷. По словам Д. Хеннига, "Сеян слишком полага- ся на свое влияние на Тиберия и на своих доверенных людей в его свите на Ка- при. Там в лице его близкого доверенного лица, Макрона, возник противник, пустивший в ход все те же средства — инсинуации и интриги. В то время как Сеян со дня на день ждал предоставления ему трибунской власти, на Капри бы- ло уже принято решение избавиться от него"⁷⁸. Вполне возможно, что основной причиной столь резкого изменения политической ориентации Макрона стало его знакомство с Гаем Цезарем и решение сделать ставку на него в надежде добиться после смерти Тиберия монопольного влияния на нового императора⁷⁹.

Меммия Регула традиционно относят к "твердым тиберианцам" и считают, что он действовал из принципиальных соображений, не преследуя никакой лич- ной выгоды⁸⁰. Тацит, упомянув о его смерти в 61 г., дает ему безоговорочно положительную характеристику (*autoritate constantia fama... clarus*), подчеркнув, что даже Нерон, заболев однажды, назвал его имя как человека, способного послужить защитой государству (*subsidium rei publicae*) в случае смерти прин- ципса (Апп. XIV.47.1).

Обычно остается в тени еще одна личность, имеющая прямое отношение к гибели Сеяна — некий Сатрий Секунд. Впервые его имя появляется в связи с известным судебным процессом историка Кремуция Корда, состоявшимся в 25 г.⁸¹ Подсудимый обвинялся в том, что "в опубликованных им анналах он, восхвалив М. Брута, назвал Г. Кассия последним из римлян". Обвинителями выступили клиенты Сеяна Сатрий Секунд и Пинарий Натта (Тас. Апп. IV.34.1). Сатрий Секунд в этом дуэте играл ведущую роль — Сенска, обращаясь к Мар- ции, дочери историка, констатирует: "Seianus patrem tuum clienti suo Satrio Secundo congiarim dedit". Здесь же объясняется причина ненависти Сеяна к ис- торнику — не только (и, скорее всего, не столько) вольнодумное произведение, но и высказанное вслух Кремуцием Кордом возмущение установлением статуи временщика в театре Помпея⁸².

претория нег какой-либо промежуточной магистратуры (LJ². 370), то похоже, что в тот момент он не занимал никакой официальной должности, находясь на Капри при Тиберии.

⁷⁷ Г. Бёрд полагает, что Тиберий подкупил его обещанием поста префекта претория, пока занятого Сеяном (*Bird H. W. Op. cit. P. 91 f.*)

⁷⁸ Hennig D. Op. cit. S. 159.

⁷⁹ Ср.: Philo. De legat. 6; Tac. Ann. VI.45.3; Suet. Calig. 12.2

⁸⁰ *Bird H. W. Op. cit. P. 92; Shotton D. S. A. The Fall of Sejanus... P. 42 ff.*

⁸¹ См.: *Портнягина И. П.* Дело Кремуция Корда (к вопросу о республиканской огло- зии в период раннего принципата) // Проблемы политической истории античного об- щества. Межвуз. науч. сб. Л., 1985. С. 172—179.

⁸² Sen. Cons. ad Marc. 22. Comp.; Dio Cass. LVII. 24. 2—4; Suet. Tib. 61.3.

Вновь Сатрий Секунд упоминается Тацитом только при освещении событий начала 37 года: "Затем знаменитая многочисленными романами Альбуцилла, которая была замужем за Сатрием Секундом, допесшим о заговоре, обвиняется в неуважении и прищепле (*defertur impietatis in principem*): привлекаются в качестве соучастников и ее любовники Гн. Домитий, Вибий Марс, Д. Аррунций" (*Tac. Ann. VI.47.2*). Для нас в данном случае важно, что процесс имел политическую окраску: Альбуцилла и ее друзья судились не по закону Юлия о прелюбодеяниях, а по закону об оскорблении величия. Имел ли к этому делу отношение Сатрий Секунд и был ли он к тому времени жив, неизвестно. Но примечательно, что к этой группе обвиняемых относился тот самый Луций Аррунций, которого в 31 году не удалось уничтожить Сеяну. Считать, что Аррунция, которому в 37 году было уже за семьдесят, связывали с Альбуциллой слишком уж близкие отношения, не особенно серьезно, и все же какая-то связь между одним из старейших консуляров и семьей бывшего клиента Сеяна явно существовала.

Объяснить ее можно, исходя из предложенной Г. Бёрдом концепции: Аррунций принадлежал к той группировке римской знати, которая была оппозиционна в отношении не только Сеяна, но и Юлиев-Клавдиев вообще⁸¹. В какой-то момент, почувствовав, что положение Сеяна пошатнулось, на службу к этой группе нобилей и переметнулся Сатрий Секунд. О роли, которую ему пришлось затем сыграть, остается только догадываться (определение Тацита "*index coniurationis*" имеет слишком общий характер, не уточнен даже заговор, о котором идет речь). По мнению Ч. Смита, Сатрий Секунд оклеветал Сеяна перед Антонией, сообщив ей, что "Сеян замысливает мятеж и узурпацию трона"⁸². Э. Кёстерман полагает, что Сатрий Секунд шпионил за Сеяном в пользу Тиберия, а заодно и обнадеживал префекта обещаниями скорого предоставления ему трибунской власти⁸³. Создается впечатление, что исследователи придают доносчику большее значение, чем он имел на самом деле. Скорее всего, в этих драматических событиях Сатрий Секунд просто-напросто предал своего патрона и сыграл роль элементарного провокатора, а затем, движимый инстинктом самосохранения, ушел в тень, под покровительство той группы нобилей, которая особенно враждебно относилась к временщику.

При анализе событий октября 31 года поражает, насколько тщательно была разработана операция по устранению Сеяна. Тиберий стремился исключить любую случайность. Например, в его знаменитом письме сенату содержалась просьба прислать к нему на Капри одного из консулов, чтобы тот доставил его под вооруженной охраной в сенат⁸⁴.

⁸¹ *Bird H. III. Op. cit. P. 93 ff.*

⁸² *Smith Ch. E. Op. cit. P. 147.*

⁸³ *Koestermann E. Op. cit. S. 372.*

⁸⁴ Об этом содержится практически идентичные сообщения у Светония, Тацита и Диона Кассия: *alterum e consulibus* (*Suet. Tib. 65.1*); *alterum ex consulibus* (*Tac. Ann. VI.2.3*); τὸν ἑτερον τῶν υπάτων. (*Dio Cass. LVIII.10.8*). Ясно, что все авторы цитируют подлинное письмо Тиберия.

Однако, когда консул Меммий Регул прибыл с этой целью к императору, тот "отверг" его, а также отказался принять посольство сената, прибывшее с поздравлениями по поводу избавления от Сеяна (Dio Cass. LVIII.13.3). Д. Шоттер, заинтересовавшийся этим эпизодом, пришел к следующему выводу: раздражение Тиберия объяснялось тем, что его сложной игры не поняли даже верные сторонники. Униженная просьба императора прислать к нему одного из консулов подразумевала вовсе не Регула, который в те критические дни был слишком нужен в самом Риме, а его коллегу Фульциния Триона, ибо последнего Тиберий считал недостаточно надежным и опасался, что Трион, известный как крупный оратор, "своей сильной и зажигательной риторикой... мог бы расстронть тщательно сконструированный план" принцепса⁸⁷.

Опасение не оправдалось, хотя Дион Кассий и упоминает, что коллега Регула по консулату был сторонником Сеяна (LVIII.9.3). Известно, что в конце 31 года Трион "вскользь намекнул" (*oblique perstrinxerat*), будто Регул не проявляет усердия в преследовании пособников Сеяна. Возмущенный Меммий Регул опроверг эти слова и, в свою очередь, прямо обвинил Триона как заговорщика (*ut poxium coniurationis*) (Tac. Ann. V.11.1). Обвинение, которое, казалось бы, должно было погубить Триона, осталось без последствий — еще одно доказательство вымышленности самого заговора.

Вернемся к событиям октября 31 года. Тиберий опасался, конечно, не того, что Трион был посвящен в планы Сеяна и готов действовать с ним заодно, а совершенно иного — чтобы в случае вооруженного сопротивления, решился на него префект претория, консул не принял бы его сторону, придав тем самым действиям Сеяна нежелательный оттенок легитимности.

А именно возможность такого варианта была настоящим кошмаром для Тиберия — *the very thing that Tiberius feared most*⁸⁸. Чтобы немедленно получать из Рима оперативную информацию, он даже распорядился сообщать ее не через курьеров, а по какому-то виду оптического телеграфа (Suet. Tib. 65.2). Но, если бы Сеян и взялся за оружие, престарелый принцепс не собирался признавать себя побежденным. Стояли наготове корабли, чтобы он мог бежать к армии⁸⁹. В случае крайнего обострения ситуации предусматривалось даже освобождение Друза, сына Германика. — чтобы противопоставить его Сеяну⁹⁰.

Д. Шоттер скептически относится к версии Диона Кассия, сообщающего (правда, как и Тацит, с оговоркой, что таково мнение некоторых авторов), будто в таком случае Друз был бы провозглашен императором. По мнению исследователя, самое большее, что могло тогда ожидать Друза — это нечто типа временного назначения префектом претория (*a kind of temporary Praetorian Prefect*) с

⁸⁷ *Shotter D. C. A. Op. cit. P. 42—45.*

⁸⁸ *Ibid. P. 45.*

⁸⁹ Suet. Tib. 65.2; Dio Cass. LVIII.13.1. Достаточно оснований считать, что имелась в виду сирийские легионы — явно оппозиционная Сеяну мощная войсковая группировка. См.: *Kornemann E. Op. cit. S. 191, Bird H. W. Op. cit. P. 91; Shotter D. C. A. Op. cit. P. 45.*

⁹⁰ Но исключительно в том случае, если бы Сеян поднял вооруженный мятеж. Ср.: Suet. Tib. 65.2; Dio Cass. LVIII.13.1; Tac. Ann. VI.23.2

подчинением ему всех находившихся в Риме войск. Хотя по миновании опасности Друз, видимо, все равно был бы уничтожен, но в критический момент ради спасения Тиберия должны были сработать старые связи фамилии Германика, "которые почти наверняка подорвали бы влияние префекта на сенат и народ и могли бы также ослабить его связь с войсками"⁹¹.

Однако запасные варианты не понадобились — если Сеян и чувствовал недоброе, он не предпринимал никаких приготовлений к сопротивлению. Правда, Тацит упоминает, что после его казни на префекта эрария П. Вителлия поступил донос, будто он предложил государственную (aerarium) и военную казну для финансирования государственного переворота: *illum indices arguebant claustra aerarii, cui praefectus erat, et militarem pecuniam rebus novis obtulisse* (Ann. V.8.1). Но, судя по всему, никаких доказательств у сикофантов не было, так как судебное разбирательство много раз откладывалось, и, хотя Вителлий покончил с собой, это, если учесть моральную атмосферу того времени, отнюдь не служит доказательством его вины.

События рокового для Сеяна дня 18 октября 31 года подробно освещены только в LVIII книге "Римской истории" Диона Кассия. Накануне ночью от Тиберия в Рим прибыл Макрон, имевший секретный приказ принять командование преторианскими когортами (9.2). Он сразу же встретился с консулом Меммием Регулом и префектом вигилей Грецинием Лаконом и ознакомил их с инструкциями императора (9.3).

В качестве вооруженной силы решено было использовать только когорты вигилей — это первый случай использования их в политических целях⁹². Вигили, как считают М. Грант и Л. Кеппи, могли рассматриваться как наиболее надежные из расквартированных в столице частей потому, что хорошо помнили Макрона, своего бывшего командира, а Тиберий рассчитывал на их лояльность, ибо установил для них получение римского гражданства после шести лет службы.

Городские когорты к этой акции не привлекались. Г. Бёрл считает, будто дело заключалось в том, что они "были в более тесном контакте с преторианцами"⁹³, тогда как М. Грант ищет причину в Л. Кальпурнии Пизоне, префекте города, которому были подчинены городские когорты и который, по мнению исследователя, был слишком стар для энергичных действий в кризисной обстановке⁹⁴. Сенека добавляет к этому любопытный штрих: судя по его описанию, Пизон был хроническим алкоголиком (Sen. Ep. 83.14). И хотя по мнению философа, пьянство не мешало префекту города образно исполнять свои обязанности, в данном случае мы вновь видим стремление Тиберия исключить любой

⁹¹ *Shotton D. C. A Op. cit. P. 46. Cf. Meise E. Op. cit. S. 87 f. Pigeon J. Drusus imperator? An episode in the fall of Sejanus in Tacitus. Suetonius and Cassius Dio // Antiquitas. 1993. Vol. XVIII. P. 183—190; Вержбицкий К. В. Указ. соч. С. 132.*

⁹² См.: *Grant M. The Army of the Caesars. L., 1974. P. 137; Ensslin W. Praefectus vigilum // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 1340, 1342; Keppie L. The Making of the Roman Army. I., 1984. P. 189.*

⁹³ *Bird H. W. Op. cit. P. 92.*

⁹⁴ *Grant M. Op. cit. P. 137.*

сомнительный момент. Нельзя не согласиться с Эни Боддингтон, оценивающей всю операцию по устранению Сеяна — it was a nice calculation⁹⁵.

Утром Макрон явился к Сеяну и уверил того, что привез поручение императора сообщить на заседании сената о предоставлении префекту претория трибунской власти (9.4). Обрадованный Сеян спешит в храм Аполлона (Палатинского, где уже собрались сенаторы, созванные Регулом. Как только Сеян вошел туда, Макрон предъявил преторианцам, сопровождавшим префекта, свои полномочия и отослал их в лагерь, пообещав донатив. Те повиновались (9.5). Затем в храме он вручил письмо Тиберия консулам и вышел, приказав Лакону оцепить храм вигилиями, и отправился в преторианский лагерь, чтобы предупредить возмущение гвардии (9.6).

Префект вигий Грещий Лакон, закончив блокирование храма, вошел внутрь, где тем временем Мемний Регул завершал чтение императорского послания, в котором Тиберий, ограничившись сдержанными упреками в адрес Сеяна и предложив взять его под стражу, обрушился на двух сенаторов из числа ближайших друзей последнего и потребовал их казни (10.1)⁹⁶.

Последовавший затем драматический эпизод должен был навсегда врезаться в память свидетелей этой сцены, поэтому трудно сомневаться в том, что описание Диона Кассия отличается стенографической точностью.

Сеян был настолько потрясен услышанным, что до него не дошло требование консула встать и выйти вперед. Тогда Мемний Регул, повысив голос, повторил еще дважды: "Сеян, выйди сюда". При гробовой тишине тот растерянно спросил: "Ты меня зовешь?" Наконец, он выполнил требование консула, и Лакон сразу же занял место у него за спиной (10.6).

Думается, эта исполненная трагической иронии сцена убедительнее, чем самые остроумные теоретические выкладки, свидетельствует о невинности Сеяна.

Дион Кассий констатирует, что по окончании чтения письма сенаторы в один голос стали обличать Сеяна и угрожать ему, кто искренне, а кто из страха за себя. Но все же Регул не стал рисковать, предлагая решительные меры и ставя их на голосование; он просто спросил одного из сенаторов, заслуживает ли Сеян заключения в тюрьму, и, когда тот дал утвердительный ответ, консул вместе с Лаконом и другими магистратами отвел бывшего фаворита в тюрьму (10.7—8).

Хотя судьба Сеяна была уже решена, последнюю точку в ней поставила реакция на его арест римского плебса и (в особенности) преторианцев. Э. Майзе полагает, что преторианцы не выступили лишь потому, что у них не было руководителя: "Следует полагать, что от солдат и не ожидали спонтанного, без предводителей, выступления, в особенности участия в партийной борьбе против принцепса"⁹⁷. Но с трудом верится, что, будь командный состав преторианских

⁹⁵ Boddington A. Op. cit. P. 16.

⁹⁶ Э. Майсснер обращает внимание на то, что в письме Тиберия не было ни слова о заговоре, и констатирует: "Таким образом, оказывается ..., что заговор представлял собой фикцию, посредством которой пытались обосновать необходимость устранения префекта" (Meissner E. Op. cit. S. 12 ff.).

⁹⁷ Vgl.: Meissner E. Op. cit. S. 15.

когорт вовлечен в заговор, среди трибунов и центурионов не нашлось бы решительного человека, способного хотя бы попытаться переломить ход событий. В том, что девять преторианских когорт, да еще сосредоточенных в одном центре, были в состоянии установить контроль над столицей, едва ли можно сомневаться. Однако ни о таких попытках, ни о самоубийствах среди преторианских командиров (что указывало бы на их страх перед разоблачением) ничего не известно. Ликование толпы и отсутствие в городе преторианцев придали смелости исполнителям замысла Тиберия. Вечером сенат собрался вновь, уже в храме Согласия, недалеко от тюрьмы, и приговорил Сеяна к смерти. Приговор был приведен в исполнение немедленно. Труп человека, который еще за день до того считался вторым лицом в государстве, был выброшен на Гемонии на потеху римской черни⁹⁸.

Преторианцы остались равнодушны к судьбе своего вчерашнего начальника: приказ императора и донатив в тысячу денариев каждому сделали свое дело⁹⁹. Правда, раздраженные, по словам Диона Кассия, тем, что их заподозрили в симпатиях к Сеяну и предпочли им вигилей, они принялись за поджоги и грабежи, хотя по распоряжению императора город охранялся всеми должностными лицами (L.VIII.12. 2.)

В заключение необходимо отметить, что рассмотренная проблема относится к числу тех, которые не имеют окончательного решения. Самый скрупулезный анализ свидетельств источников может привести к диаметрально противоположным выводам¹⁰⁰. Тем не менее, рискуем присоединиться к тому меньшинству, которое отрицает намерение Сеяна совершить переворот и, убрав Тиберия, самому стать принцепсом. Так называемый заговор Сеяна должен быть отнесен к числу живучих политических мифов, в действительности же имел место образцово спланированный и выполненный заговор против Сеяна¹⁰¹.

Но в таком случае по-прежнему не получен ответ на вопрос — что же побудило Тиберия расправиться с человеком, который, судя по всему, был ему “без лести предан” и видел в принцепсе гарантию своего политического, да и физического существования? Представляется очевидным, что традиционные методы исследования в применении к данной проблеме исчерпали свои возможности вплоть до (достаточно маловероятного) открытия новых источников. Исключе-

⁹⁸ Iuvén. Sat. X.66 sqq.; Dio. Cass. LVIII.11.4—5.

⁹⁹ См.: Suet. Tib. 48.2; Dio. Cass. LVIII.18.2. По мнению Э. Майзе, это вовсе не доказывает, что преторианцы не поддержали бы Сеяна — просто “после того как его судьба была решена, они имели все основания дистанцироваться от него” (Meise E. Op. cit. S. 82). Дион Кассий (loc. cit.) утверждает, будто Тиберий знал, что преторианцы были на стороне Сеяна, но все же награждал их деньгами, чтобы они усерднее служили ему против сенаторов. Но здесь очевиден субъективный подход автора — слишком уж острый колорит века “солдатских императоров”.

¹⁰⁰ Ср.: Marsh F. B. Op. cit. P. 304—310; Meise E. Op. cit. S. 77 ff

¹⁰¹ “Единственный и осуществленный Тиберием Цезарем” (Syme R. Tacitus. Vol. I. P. 406).

ние составляет, пожалуй, лишь профсонографический метод, использовать который здесь предложила Э. Боддингтон, а последователем применил Г. Бёрд¹⁰².

Изучение фамильных связей внутри нобилитета времени Тиберия, карьер видных римских аристократов в 20--30-е гг. позволило получить интересные результаты и предположить, что в конце 20-х гг. существовали две влиятельные группировки нобилей, с которыми не мог не считаться Тиберий. Одна из них, объединенная вокруг Корнелиев Лентулов, Кальпурниев Пизанов и Юниев Силанов, сотрудничала с Сеяном, пока он мог считаться одним из членов правящего нобилитета. Она, по словам Г. Бёрда, "была терпима к министру, но не проявляла к нему подлинной лояльности и, возможно, рассматривала его как угрозу ее dignitas и власти"¹⁰³.

Вторая группа, включавшая в себя Скрибониев, Помпеев, Фуриев Камиллов, Аррунчиев, Эмилиев и Корнелиев Сулл, была настроена резко против Сеяна. Когда обе эти группы сумели договориться, Сеяну пришел конец.

Э. Боддингтон полагает, что сигналом для действий нобилитета против Сеяна послужило именно намерение Тиберия назначить Сеяна регентом при Гас как наследнике принципата. Против этого восстали настолько влиятельные персоны, что Тиберий не мог пренебречь их мнением и был вынужден пожертвовать префектом претория¹⁰⁴. Наиболее значительными среди них были, по ее мнению, легаты Верхней и Нижней Германии Лентул Гетулик и Луций Адроний — то есть те люди, которых обычно считают сторонниками Сеяна. По словам Э. Боддингтон, "они принимали Сеяна в качестве одного из членов правящей олигархии, но не были готовы терпеть его власть над собой, и, когда Тиберий раскрыл свои намерения, они бросили все свое влияние на чашу весов оппозиции, если только не организовали заговор сами"¹⁰⁵.

Эта гипотеза, подкрепленная аргументацией Г. Бёрда, представляется наиболее перспективной, но всех сложностей она не снимает. Тиберий, находившийся на Капри в полной безопасности и контролировавший Рим посредством гвардии, городских когорт и вигилей, мог не опасаться конфликта с сенатом, тем более что последний за все время его принципата никогда не выходил из повиновения. Если бы император решил во что бы то ни стало отстоять Сеяна, он не посчитался бы ни с каким "тайным бунтом", сколь бы влиятельны ни были его участники, и можно не сомневаться, что сенатское "болото" услужливо проштамповало бы любое решение принцепса.

Следовательно, существовали причины, по которым Тиберий был настроен против Сеяна, и похоже, что они были скорее внутреннего, чем внешнего свойства. Э. Майзе (сторонник мнения о существовании реального заговора Сеяна.

¹⁰² Boddington A. Op. cit. P. 15, Note 46; Bird H. W. Op. cit. Passim

¹⁰³ Bird H. W. Op. cit. P. 93, 98 Г.

¹⁰⁴ "Только крупное изменение в балансе политических сил может объяснить столь внезапную и крутую перемену судьбы, и наиболее вероятная причина — это тайный бунт влиятельных членов правящей олигархии, чью волю Тиберий не осмелился игнорировать" (Boddington A. Op. cit. P. 14).

¹⁰⁵ Ibid. P. 15.

возникшего из-за того, что возвышение Калигулы разрушало планы Сеяна и Ливиллы) подчеркивает: "Только если вообразить себе эту связку Сеян — Ливилла — Гемелла, то видно, насколько велика была опасность для Тиберия, и понятны как мероприятия, которые он предпринял против Сеяна, так и распоряжения, данные им Макрону на случай, если при свержении преторианского префекта начнется открытый конфликт"¹⁰⁶. Но, если принять эту точку зрения, то остается неясным, что мог иметь Тиберий против перехода (разумеется, в будущем) принципата в руки его родного внука при формальном регентстве Сеяна (отчима) и неформальном Ливиллы (родной матери), и почему он отдал предпочтение Калигуле, всего лишь приемному внуку и сыну ненавистной Агриппины?

Дион Кассий (LVIII.8.1) сообщает, что еще во время нахождения Сеяна у власти Тиберий указал на Гая Цезаря как на будущего наследника принципата. Однако это противоречит указанию Светония на то, что руками Сеяна император хотел расправиться с семьей Германика и обеспечить переход власти в руки Тиберия Гемелла: *nepotemque suum ex Druso filio naturalem ad successionem imperii confirmaret* (Suet. Tib. 55).

Кроме того, хорошо известно, что в последние годы своего принципата Тиберий колебался в выборе преемника и не принял окончательного решения, назначив в завещании главными наследниками как Калигулу, так и Гемелла. После смерти престарелого принцепса завещание было аннулировано сенатом, а Калигуле вручена единоличная власть (*ius arbitriumque omnium rerum*)¹⁰⁷.

Создается впечатление, что в 31 году Тиберию нужно было использовать Гая Цезаря как фигуру в партии против Сеяна: иначе говоря, Сеян был уничтожен вовсе не из-за того, что Тиберий вознамерился сделать Гая наследником принципата, а, напротив, Гай получил шанс стать следующим принцепсом именно потому, что император решил покончить с Сеяном. Но вопрос о причине или причинах такого решения по-прежнему остается открытым.

В попытках найти ответ стоит задуматься о весьма своеобразной атмосфере, окружавшей Тиберия на Капри, и о роли тех людей, через которых он общался с внешним миром. Насколько можно судить, Сеян вплоть до 31 года находился при Тиберии практически постоянно, и именно в его руках было обеспечение своего патрона всей информацией о положении дел в государстве. Видимо, технически было несложно эту информацию при необходимости фильтровать.

Но когда Сеян отбыл с острова и его место занял Макрон, который уже сделал ставку на Калигулу и был полон решимости расчистить ему дорогу к трону, к Тиберию, очевидно, стал обильно поступать компрометирующий префекта претория материал — тщательно взбитый коктейль из правды, сплетен и клеветы. Здесь должно было фигурировать и обвинение в отравлении Друза и указание на намеренное разжигание вражды в императорском семействе, и многое другое. Но, может быть, наибольшее впечатление на Тиберия произвело сообщению о том, что в Риме Сеяна уже считают истинным императором (авто-

¹⁰⁶ Meise E. Op. cit. S. 85 f.

¹⁰⁷ Suet. Calig. 14.1. Comp., Philo. leg. ad Caium. 4—5; Tac. Ann. VI.46; Dio. Cass. LIX.1.

κράτωρ), а самого Тиберия — всего лишь правителем острова (νεσίαρχος) (Dio. Cass. LVIII.5.1).

Зная болезненное самолюбие Тиберия, который был исключительно злопамятен и особенно ревниво относился к реальным или воображаемым посягательствам на его власть, можно не сомневаться, что была залета самая чувствительная струна в его душе, и с того момента судьба Сеяна была решена. Тиберий не стал разбираться в истинности выдвинутых против него обвинений и обрушил свой гнев не только на самого временщика, но и на всех, кто был с ним связан, в первую очередь на семью.

Подведем итоги. Если непредвзято рассмотреть имеющийся в источниках материал, то ясно, что представить Сеяна заговорщиком невозможно. Даже сторонники традиционной интерпретации часто аргументируют свои постулаты тем, что у Сеяна не было иного выхода, кроме заговора. Но подтвердить эти предположения нечем, и, даже если приписывать Сеяну, как это делает Ф. Б. Марш, обсуждение возможности мятежа в узком кругу доверенных лиц (чему, правда, нет ни единого доказательства), то и тогда остается в силе один из фундаментальных принципов римского права: cogitationum poenam nemo luit.

Сеян был уничтожен потому, что, когда он "перерос" свое официальное положение, то оказался особенно уязвим из-за ушибленного, с точки зрения нобилитета, социального происхождения и отсутствия сколько-нибудь значительной поддержки среди римской военной и гражданской элиты. Его участь всецело зависела от принцепса, поэтому, когда влиятельная группировка олигархов выступила против префекта претория, а Тиберий, настроенный соответствующим образом, изменил свое отношение к Сеяну на прямо противоположное, гибель временщика стала неминуемой.

Е. В. Амосова

СПОНТАННЫЕ ГОНЕНИЯ НА ХРИСТИАН КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА АНТИЧНОГО МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Важным аспектом духовной, политической и социальной истории Римской империи было противостояние христианства и античности, затронувшее все слои общества. Со времени А. Гарнака во взаимоотношениях христианства и Рима выделяют три уровня взаимодействия:

— христианская церковь и Римское государство (взаимоотношения на уровне организационных систем);

— христианство и греко-римская интеллигенция (уровень взаимодействия идеологических концепций);

— христианство и "простой" народ (взаимоотношения на уровне массового сознания).